

УДК 342.3

Субъекты публичной власти в России: конституционно обусловленные разграничения

Анциферов Николай Викторович

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра конституционного права и конституционного судопроизводства,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: nvanciferov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам ключевых конституционно обусловленных разграничений в системе субъектов публичной власти Российской Федерации. Рассматриваются разграничения в зависимости от формы осуществления власти народом (непосредственно или через представителей), территориальных пределов осуществления власти, исходя из горизонтального и вертикального разделения властей, выделения государственной власти и местного самоуправления. Уделяется внимание соотношению соответствующих групп субъектов публичной власти (форм её осуществления), аспекты их взаимодействия как элементов единой системы. Исследование демонстрирует, что ключевые участники конституционных правоотношений, обладая единой правовой природой, входят в сложную организационную систему. Конституционно обусловленные разграничения позволяют осуществить тонкую настройку механизма организации публичной власти, достигнув соответствующий необходимый баланс. При этом установление эффективного соотношения в рамках конкретных разграничений представляет собой важную теоретическую и практическую задачу. В статье анализируются конституционное законодательство, материалы судебной практики, используются теоретические работы.

Для цитирования в научных исследованиях

Анциферов Н.В. Субъекты публичной власти в России: конституционно обусловленные разграничения // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 5А. С. 62-74.

Ключевые слова

Публичная власть, субъекты публичной власти, власть, конституция, государство, местное самоуправление.

Введение

В современных условиях публичная власть представляет собой сложный механизм, в рамках которого представлены не только конкретные её субъекты, но и группы таких субъектов, ветви, уровни власти. Соответствующий конституционный механизм, сочетающий многочисленные элементы, объединён различными связями и обусловленными правом взаимодействиями. Российская Федерация, естественно, не является, исключением: «конституционные характеристики современной публичной власти в России отражают существование весьма институционально сложного, многоканального механизма осуществления народовластия через различные формы – непосредственные и представительные» [Полянский, 2015, 32].

Из Конституции РФ вытекает несколько базовых разграничений в системе организации публичной власти, которые позволяют соответствующую систему структурировать. Данные водоразделы определяют функционирование субъектов публичной власти в пределах соответствующих сфер и обуславливают в известной степени формы осуществления публичной власти.

Осуществление публичной власти народом непосредственно и через представителей

Первое разграничение определяется содержанием ст. 3 Основного закона, в соответствии с ч. 2 которой народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Применительно к этому в качестве субъектов публичной власти выделяются народ как осуществляющий свою власть непосредственно, с одной стороны, и органы государственной власти и органы местного самоуправления в качестве представительной формы осуществления власти народа, – с другой. Правовое соотношение данных категорий субъектов Конституцией РФ прямо не предлагается. Из Конституции непосредственно в генеральном смысле не вытекают принципы соотношения властных полномочий указанных категорий субъектов власти, не решены вопросы ограниченности одной категории субъектов публичной власти по отношению к другой.

В такой ситуации возникают практические вопросы об ограниченности властных полномочий народа (как осуществляющего власть непосредственно) и органов публичной власти. Данные вопросы решаются неоднозначно. В частности, исходя из правовой позиции Конституционного Суда РФ (Постановление от 21.03.2007 N 3-П), применительно к соотношению данных полномочий действует принцип разграничения, в соответствии с которым, в частности, «...осуществляя правовое регулирование отношений, связанных с референдумом Российской Федерации, федеральный

законодатель должен обеспечить такие условия и порядок их реализации, чтобы референдум не мог использоваться как институт, подменяющий иные институты непосредственной демократии, либо как противовес институтам представительной демократии, в том числе в нарушение исключительных прерогатив Федерального Собрания или других федеральных органов государственной власти, которые должны осуществляться в иных конституционно установленных формах законотворчества как способа принятия государственных решений». В то же время реализация данного (принципиально не вызывающего возражений) подхода связана с необходимостью адекватной квалификации того или иного полномочия органа представительной демократии как исключительного не только по отношению к другим подобным органам, но и к народу как осуществляющему свою власть непосредственно. В частности, само по себе отнесение определённого вопроса к компетенции органа государственной власти или органа местного самоуправления не свидетельствует о невозможности его разрешения посредством референдума как формы непосредственной демократии. Как отмечает С.А. Авакьян, «если по ст. 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ, с введением указанного п. 10 получается наоборот: не народ становится источником власти, а орган, принимающий законы, становится источником власти народа, поскольку именно он определяет, что народу разрешено решать на референдуме. В ч.4 ст. 3 Конституции РФ говорится: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону». По существу, парламент названным выше п.10 присвоил себе и власть народа, и право определять параметры властной деятельности народа. ... Отсюда – более общий и вместе с тем более принципиальный вопрос: определение возможностей референдума как высшего проявления народовластия через полномочия органов государственной власти по принципу «То, что не отнесено к ведению государственных органов, может быть предметом референдума», абсолютно неправильно. История даёт много примеров из практики разных стран, когда вопросы, которые могли быть решены компетентным государственным органом, как раз и предлагались на референдум. Почему? Потому, во-первых, что референдум – высшее проявление народовластия и в этом плане ему нельзя запретить решать вопрос, который в иной обстановке разрешил бы сам орган; во-вторых, ещё и потому, что компетентный орган в силу важности проблемы обращается к мудрости народа, желая получить его (народа) исторический ответ на соответствующий вопрос» [Авакьян, 2008]. На наш взгляд, для такой позиции имеются основания, учитывая как место институтов прямой демократии в конституционной системе (конституционно заданный статус – ст. 3 Конституции РФ), так и практику проведения референдумов, их фактическое назначение (направленность на решение принципиальных вопросов,

в том числе в целях придания решению наибольшей легитимности). Данные обстоятельства объективно не позволяют исключить пересечение компетенции форм непосредственной и представительной демократии.

С указанной классификацией соотносится выделение публично-правовых территориальных образований и «населенческих» категорий (нация, местное сообщество, население субъекта РФ), в одной стороны, и непосредственно органов публичной власти (как формируемых или санкционированных в соответствии с законом структур) и механизмов осуществления публичной власти, с другой стороны [Велиева, 2014].

Сферы государственной власти и местного самоуправления

Исходя из второго разграничения, публичная власть в Российской Федерации подразделяется на сферы (области) государственной власти и местного самоуправления. Логика разграничения данных сфер определяется конституционным закреплением (выделением) круга полномочий, относящихся к местному самоуправлению (вопросы местного значения), территориальной (локальной) сферы его осуществления и иных элементов статуса. Согласно ч. 1 ст. 130 Конституции РФ, «Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование, и распоряжение муниципальной собственностью». Исходя из ч. 1 ст. 131 Конституции РФ, «Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учётом исторических и иных традиций». В соответствии с ч. 1 ст. 132 Конституции РФ «Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения». Указанная совокупность правовых норм определяет соотношение сферы государственной власти и местного самоуправления с точки зрения локализации власти и круга решаемых соответствующими субъектами публичной власти вопросов. Органы местного самоуправления ограничены возможностью осуществления своей власти в пределах поселений и иных локальных территорий и кругом решаемых вопросов, которые, соответственно, в пользу местного самоуправления исключаются из сферы деятельности субъектов государственной власти. Однако, по смыслу Конституции РФ, ограниченность государственной власти правами местного самоуправления не сводится к пассивному невмешательству в решение данных вопросов, но также предполагает необходимость государственной власти обеспечить реальную возможность функционирования органов местного самоуправления, так как налоговое, бюджетное, гражданское законодательство, позволяющее местным сообществам осуществлять свою власть, находится в ведении органов государственной власти. Реализация данного подхода

в правовой практике подтверждается решениями Конституционного Суда РФ. Так, в Постановлении от 30.11.2000 года №15-П орган конституционного правосудия отмечает: «на органы ... государственной власти возлагается обязанность создавать необходимые правовые, организационные, материально – финансовые и другие условия для становления и развития местного самоуправления и оказывать содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление».

Разделение властей по горизонтали

Третье разграничение основано на реализации основополагающего принципа организации ключевого элемента публичной власти – государственной власти в Российской Федерации – разделения властей. В соответствии со ст. 10 Конституции РФ «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». «Разделение властей закрепляется в Конституции Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя для Российской Федерации в целом, т. е. не только для федерального уровня, но и для организации государственной власти в ее субъектах. Разделение единой государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную предполагает установление такой системы правовых гарантий, сдержек и противовесов, которая исключает возможность концентрации власти у одной из них, обеспечивает самостоятельное функционирование всех ветвей власти и одновременно – их взаимодействие» (Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 №2-П). «Вместе с тем государственная власть – целостная система, где ветви власти есть элементы целого, которые действуют системно и согласованно, а сама система определяет их качества, формы и методы. И система сдержек и противовесов, положенная в основу принципа разделения властей, предполагает не только обособленность каждой ветви государственной власти, но и конструктивное функционирование, взаимодействие и взаимопроникновение ветвей государственной власти. Например, такое возможно при делегировании парламентом своих полномочий Президенту РФ и Правительству РФ, что подтвердил Конституционный Суд РФ» [Безруков, www] в указанном выше акте.

Конституция РФ в целом прямо и в полном объёме не определяет предметно-функциональное позиционирование данных групп субъектов публичной власти. Оно может быть определено доктринально исходя из современного представления о теории разделения властей. Не определяется Конституцией РФ и «соотношение сил» в системе разделения властей. В отличие от положений ряда других конституций, где тем или иным образом таковое во всяком случае декларируется. Так, в соответствии со статьёй 4 Конституции Эстонской Республики «деятельность Рийгикогу, Президента Республики, Правительства Республики и судов осуществляется по принципу разделения и сбалансированности властей».

Суть соотношения субъектов публичной власти, относящихся к разным группам, в первую очередь заключается в невозможности субъектов, относящихся к одной ветви власти, осуществлять полномочия, сущностно принадлежащие другой. Например, несмотря на наличие законодательных полномочий субъектов законодательной власти, они не могут определить для себя возможность осуществлять исполнение бюджета, органы судебной власти – осуществлять законотворчество, а органы исполнительной власти – совершать правосудие. В частности, как отмечается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 марта 2009 г. №5-П, «согласно статье 118 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. По смыслу данной статьи во взаимосвязи со статьей 10 Конституции Российской Федерации, именно суду принадлежит исключительное полномочие принимать окончательные решения в споре о праве, в том числе по делам, возникающим из налоговых правоотношений, что, в свою очередь, означает недопустимость преодоления вынесенного судом решения посредством юрисдикционного акта административного органа. Преодоление судебного решения путем принятия административным органом юрисдикционного акта, влекущего для участников спора, по которому было принято судебное решение, иные последствия, нежели определенные этим судебным решением, означает нарушение установленных Конституцией Российской Федерации судебных гарантий прав и свобод, не соответствует самой природе правосудия, которое осуществляется только судом, и несовместимо с конституционными принципами самостоятельности судебной власти, независимости суда и его подчинения только Конституции Российской Федерации и федеральному закону».

С учётом современного контекста, такие ограничения не носят чёткого характера, так как допускаются возможности делегированного правотворчества, судебные акты рассматриваются с позиции источников права. Однако, в целом, данные явления не отменяют наличие соответствующих принципиальных ограничений сферы функционирования, влияющих и на формы осуществления деятельности.

При этом, основные ориентиры в данном контексте заданы посредством конституционного определения правового статуса конкретных федеральных органов, соответственно, законодательной и исполнительной власти, а также посредством положений Главы 7 о статусе судебной власти. В данном случае следует отметить, что применительно к вопросам соотношения данных групп субъектов публичной власти характерны механизмы, основанные на дискреции одной группы субъектов публичной власти по отношению к другой (например, назначение судей высших судов, отставка Правительства РФ и пр.). Таким образом, в рамках данного водораздела ярко проявляются сосуществование дискреционных механизмов при принятии ограничивающих субъекта публичной власти решений и механизмов, обеспечивающих реагирование на нарушение конституционных обязанностей.

В данном случае следует отметить, что современная сложная организация государственной власти не в полной мере укладывается в принцип распределения субъектов данной власти на законодательные, исполнительные и судебные органы [Станских, 2007; Ткачев, 2014; Урсов, 2007]. На современном этапе введение таких «не вписывающихся» субъектов (с особым статусом) позволяет производить более тонкую настройку организации публичной власти. При этом стремление непременно определить относимость данных субъектов к той или иной ветви власти (так же как, впрочем, и восприятие особого статуса субъекта публичной власти без достаточных на то оснований) вряд ли имеет существенное теоретическое и практическое значение.

Собственно конституционно-правовое значение разделения властей состоит в закреплении принципиальных соотношений в организации власти, а не в определении статуса конкретных субъектов, которым конституционный законодатель волен предоставить свою роль. При этом непосредственно регулятивная роль принципа разделения властей носит в значительной степени субсидиарный характер по отношению к конкретному определению правового статуса того или иного субъекта публичной власти.

Федеративное государственное устройство как основание для разграничения субъектов публичной власти

Четвёртое разграничение определяется федеративным устройством Российской Федерации, являющимся одним из ключевых принципов её организации (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ). Соотношение статусов федеральной публичной власти и публичной власти субъектов Российской Федерации выражается закреплением территориальной сферы осуществления соответствующих властей и разграничением предметов ведения РФ, субъектов РФ и предметов совместного ведения. Конституция регулирует в основном такое разграничение посредством разграничения полномочий уровней власти без выделения применительно к этому водоразделу полномочий конкретных органов публичной власти (ч. 3 ст. 11, 71-73 Конституции РФ). В этом смысле предметы ведения субъекта РФ (субъектов публичной власти субъекта РФ) ограничиваются предметами ведения РФ (субъектов публичной власти РФ). С другой стороны, являясь принципом территориальной организации публичной власти, власть субъектов РФ ограничивается пределами субъекта РФ (ч. 1 ст. 67 Конституции РФ).

Важным вопросом в этой связи является относимость (точнее объём относимости) принципов организации и функционирования федеральных субъектов публичной власти и субъектов публичной власти субъектов РФ (в правовом смысле – вопросы аналогии). Как отмечается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П, «... порядок формирования органов государственной власти субъектов Российской Федерации Конституция Российской Федерации непосредственно не регламентирует. Провозглашая свободные выборы наряду с референдумом высшим выражением власти многонационального народа Российской

Федерации и закрепляя избирательные права граждан и право на участие в референдуме (статья 3, часть 3; статья 32, части 1 и 2), она в то же время не рассматривает выборы в качестве единственно допустимого механизма формирования всех органов публичной власти на каждом из уровней ее организации. Так, Государственная Дума избирается (статья 96, часть 1), избирается также Президент Российской Федерации (статья 81, часть 1). Что касается Совета Федерации, то избирался лишь Совет Федерации первого созыва (пункт 7 раздела второго «Заключительные и переходные положения»), в силу статей 95 (часть 2) и 96 (часть 2) он формируется, в его состав входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации – по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти, т.е. вопрос о порядке наделения гражданина Российской Федерации полномочиями члена Совета Федерации оставлен на усмотрение федерального законодателя. Председатель Правительства Российской Федерации назначается Президентом Российской Федерации с согласия Государственной Думы (статья 83, пункт «а»; статья 111, часть 1), заместители Председателя Правительства Российской Федерации и федеральные министры назначаются на должности Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Правительства Российской Федерации (статья 83, пункт «д»; статья 112, часть 2). Тем самым Конституция Российской Федерации – в целях уравнивания таких основ российской государственности, как демократия, суверенитет, государственная целостность и федерализм, – допускает возможность различных вариантов наделения полномочиями органы и должностных лиц публичной власти, непосредственно не поименованных в Конституции Российской Федерации в качестве избираемых, в том числе возможность изменения ранее установленного порядка наделения полномочиями соответствующих органов и лиц, если при этом соблюдаются конституционные права и свободы и иные общепризнанные права и свободы человека и гражданина, включая право на свободные выборы». В то же время, как отмечает в Особом мнении в данном Постановлении судья Конституционного Суда РФ А.Л. Кононов, «Не могут служить оправданием ликвидации выборов глав субъектов Российской Федерации примеры формирования Совета Федерации или назначения Председателя Правительства и министров. Во-первых, Совет Федерации по Конституции – представительный и законодательный орган, и Конституционный Суд, как известно, так и не рассматривал вопрос о конституционности порядка его формирования. Во-вторых, гораздо больше аналогий у главы субъекта Российской Федерации с главой государства, чем с Председателем Правительства или министрами (полномочия по формированию исполнительной власти, представительские функции, формы участия в законодательном процессе, взаимодействие с представительными органами и т.д.)». Рассматривая другой вопрос, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 30.04.2006 года № 11-П отметил, что «пунктом 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации главе администрации предоставлены право подписывать и обнародовать законы, принятые законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации, право вето, а также установлена обязанность главы администрации подписать закон, принятый

повторно квалифицированным большинством голосов депутатов. Эти нормы Положения не противоречат основам конституционного строя Российской Федерации. Участие главы исполнительной власти в законодательном процессе соответствует принципам разделения властей и единства системы государственной власти (статья 5, часть 3, и статья 10 Конституции Российской Федерации) и закреплено применительно к законодательному процессу на федеральном уровне (пункт «д» статьи 84, статьи 107 и 108 Конституции Российской Федерации)».

Таким образом, орган конституционного правосудия исходит из сочетания принципов организационной самостоятельности и конституционной предопределённости принципиальных положений формирования и функционирования публичной власти на уровне субъектов Российской Федерации, соотносящихся с соответствующими принципиальными положениями, действующими на уровне Российской Федерации в целом. В то же время вопрос необходимого баланса в данном контексте нельзя считать решённым.

Заключение

С учётом изложенного, субъекты публичной власти как ключевые участники конституционных правоотношений, обладая единой правовой природой, входят в конституционно обусловленную систему разграничений. Данная система разграничений позволяет осуществить тонкую настройку механизма организации публичной власти, достигнув соответствующий необходимый баланс. При этом установление эффективного соотношения в рамках конкретных разграничений представляет собой важную теоретическую и практическую задачу.

Библиография

1. Авакьян С.А. Конституция Российской Федерации: итоги развития // Конституционное и муниципальное право. 2008. №23. С.3-10.
2. Безруков А. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России. URL: http://bookz.ru/authors/andrei-bezrukov/konstitu_569/page-2-konstitu_569.html
3. Велиева Д.С. Народ Российской Федерации как субъект конституционно-правовых отношений в сфере управления государством: миф или реальность? // Вестник СГЮА. 2014. №1 (96) С.46-50.
4. Конституция Эстонской Республики. URL: <https://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html>
5. Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2015 № 2736-О. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71180276/>
6. Определение Конституционного Суда РФ от 22.11.2012 № 2163-О. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70180720/>

7. Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2011 № 247-О-О // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70046210/>
8. Полянский В.В. Методы и принципы гармонизации публичной власти // Lex russica. 2015. № 10. С. 32-45.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 11.12.2006. № 50, ст. 5371.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.03.2009 года №5-П // Собрание законодательства РФ. 06.04.2009. № 14. ст. 1770.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П // Собрание законодательства РФ. 22.01.1996. № 4. ст. 409.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2007 N 3-П // Собрание законодательства РФ. 02.04.2007. № 14. ст. 1741.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П // Собрание законодательства РФ. 16.01.2006. № 3. ст. 336.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.04.1996 № 11-П // Собрание законодательства РФ. 06.05.1996. № 19. ст. 2320.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 № 15-П // Собрание законодательства РФ. 11.12.2000. № 50. ст. 4943.
16. Станских С.Н. Федеральные органы государственной власти с особым статусом в системе разделения властей // Государственная власть и местное самоуправления. 2007. №1. С. 8-9.
17. Ткачев И.В. Прокуратура как государственный орган с особым статусом // Законность. 2014. № 9. С. 19 – 21/
18. Урсов К.Ю. Федеральные органы государственной власти с особым статусом в системе разделения властей // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. 2007. Вып. 15. С. 46-47.

Constitutional delimitation of subjects of public authority in Russia

Nikolai V. Antsiferov

PhD in Law, Associate professor,

Department of constitutional law and constitutional court proceedings,

Peoples' Friendship University of Russia,

117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;

e-mail: nvanciferov@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the issues of important constitutionally conditioned delimitation in the system of subjects of public authority of the Russian Federation. In modern conditions, public power is a complex mechanism in which not only its specific subjects are represented, but also groups of such subjects, branches, levels of power. The corresponding constitutional mechanism, combining numerous elements, is united by different connections and conditioned by the right interactions. Of course, the Russian Federation is not an exception. The author analyses dependencies depending on the form of people's governance (directly or through representatives), territorial limits of the exercise of power, proceeding from the horizontal and vertical separation of powers, the separation of state power and local government. The article pays attention to the correlation of the relevant groups of subjects of public authority (forms of its implementation), and the aspects of their interaction as elements of a unified system. The research demonstrates that main participants in constitutional legal relations, having the same legal nature, enter a complex organizational system. Constitutionally determined delineation allows to fine-tune the mechanism of public power organization, having reached the necessary balance. At the same time, the establishment of an effective correlation within specific delineations is an important theoretical and practical task. The article analyzes constitutional legislation, materials of judicial practice, and uses theoretical work.

For citation

Antsiferov N.V. (2017) Sub"ekty publichnoi vlasti v Rossii: konstitutsionno obuslovlennyye razgranicheniya [Constitutional delimitation of subjects of public authority in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (5A), pp. 62-74.

Keywords

Public authority, subjects of public authority, power, constitution, state, local self-government.

References

1. Avakyan S.A. (2008) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: itogi razvitiya [Constitution of the Russian Federation: results of development]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 23, pp. 3-10.
2. Bezrukov A. *Konstitutsionno-pravovyye aspekty osuschestvleniya zakonodatelnoy vlasti po obespecheniyu pravoporyadka v Rossii*. [Constitutional legal aspects of the implementation of the legislature on the rule of law in Russia]. Available at: http://bookz.ru/authors/andrei-bezrukov/konstitu_569/page-2-konstitu_569.html [Accessed 12/01/2017].

3. *Konstitutsiya Estonskoy respubliki*. [The Constitution of the Republic of Estonia]. Available at: <https://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html> [Accessed 16/01/2017].
4. *Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 08.12.2015 № 2736-O* [Determination of the Constitutional Court on 12/08/2014 No. 2736-O] Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71180276/> [Accessed 17/01/2017].
5. *Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 22.11.2012 № 2136-O* [Determination of the Constitutional Court on 11/22/2012 No. 2136-O] Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70180720/> [Accessed 14/01/2017].
6. *Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.02.2011 № 2147-O-O* [Determination of the Constitutional Court on 11/22/2012 No. 2136-O] Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70046210/> [Accessed 12/01/2017].
7. Polyansky V.V. (2015) *Metody i printsipy garmonizatsii publichnoy vlasti* [Methods and principles of harmonization of public authority]. *Lex russica*, 10, pp. 32-45.
8. *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 06.04.2004 № 7-P* [Decision of the Constitutional Court on 4/06/2004 № 7-P] (2006). *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected legislation of the Russian Federation], 50, Art. 5731.
9. *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17.03.2009 № 5-P* [Decision of the Constitutional Court on 3/17/2009 № 5-P] (2009). *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected legislation of the Russian Federation], 14, Art. 1770.
10. *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 18.01.1996 № 2-P* [Decision of the Constitutional Court on 1/18/1996 № 2-P] (1996). *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected legislation of the Russian Federation], 4, Art. 409.
11. *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21.03.2007 № 3-P* [Decision of the Constitutional Court on 3/21/2007 № 3-P] (2007). *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected legislation of the Russian Federation], 14, Art. 1741.
12. *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21.12.2005 № 13-P* [Decision of the Constitutional Court on 12/21/2005 № 13-P] (2006). *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected legislation of the Russian Federation], 3, Art. 336.
13. *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 30.04.1996 № 11-P* [Decision of the Constitutional Court on 4/30/1996 № 11-P] (1996). *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected legislation of the Russian Federation], 50, Art. 2320.
14. *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 30.11.2000 № 15-P* [Decision of the Constitutional Court on 11/30/2000 № 15-P] (2000). *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected legislation of the Russian Federation], 50, Art. 4943.
15. Stanskiy S.N. (2007) *Federalnye organy gosudarstvennoy vlasti s osobym statusom v sisteme razdeleniya vlastey* [Federal bodies of state authority with special status in the system of sepa-

- ration of powers]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravleniye* [State power and local self-government], 1, pp. 8-9.
16. Tkachev I.V. (2014) Prokuratura kak gosudarstvenniy organ s osobym statusom [The Prosecutor as a state body with special status]. *Zakonnost'* [Legality], 9, pp. 19-21.
 17. Ursov K.Y. (2007) Federalnye organy gosudarstvennoy vlasti s osobym statusom v sisteme razdeleniya vlastey [Federal bodies of state authority with special status in the system of separation of powers]. *Trudy yuridicheskogo fakulteta Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the law faculty of the Stavropol state University], 15, pp. 46-47.
 18. Velieva D.C. (2014) *Narod Rossiyskoy Federatsii kak subyekt konstitutsionno-pravovykh otnosheniy v sfere upravleniya gosudarstvom: mif ili realnost.* [People of the Russian Federation as a subject of constitutional legal relations in the sphere of government: myth or reality?]. *Vestnik SHUA* [Saratov state academy bulletin], 1 (96), pp. 46-50.